

Учитель есть школа. Интервью с Ш. Амонашвили

Мы продолжаем цикл интервью из проекта учебной лаборатории образовательной журналистики НИУ ВШЭ «Свободная школа», рассказывающего о развитии системы образования в России. О роли учителя и зарождении новой педагогики — в беседе с советским, грузинским и российским педагогом, психологом Шалвой Амонашвили.

Вы в сознании многих являетесь одним из столпов движения учителей-новаторов. А как оно возникло? И почему оно возникло? Была, как мы понимаем, тоталитарная достаточно жесткая закрытая советская школа, и вдруг в 60–70-е, в начале 80-х — целый взрыв новых интересных образовательных методик!

Когда в 80-х появилась политика гласности, появилось больше свободы, демократии, эти понятия как-то спровоцировали учителей на более творческие деяния. Именно тогда и начались такие останкинские передачи, когда показывали новаторов Шаталова, Волкова, Щетинина, Ильина, Лысенкову. Я тоже принимал в них участие. В какой-то момент случилось так, что мы вместе с Шаталовым пришли в редакцию «Учительской газеты». Главным редактором тогда был Владимир Матвеев, который будучи новатором в журналистике, не щадя себя, шел против разных установок ЦК партии. Мы предложили

собрать героев этих останкинских встреч, Матвеев тут же согласился, и спустя неделю мы собрались на даче автора «Детей Арбата» Анатолия Рыбакова.

В течение трех дней мы с помощью мозгового штурма высказывали свои мнения. Нас было всего семь человек. Я почти всех их перечислил выше. И после этого Симон Соловейчик, который там тоже был и который сотрудничал с газетой, оформил нашу встречу как «педагогику сотрудничества». Понятие придумали мы.

Что же произошло после этого? Произошел взрыв в учительской массе! Сразу тысячи и тысячи учителей пошли за педагогикой сотрудничества. Это был какой-то протест против тех партийных установок, которые не давали учителям выйти из рамки, было движение против партийного диктата. Поэтому возникли разные общества и движения не только в Советском Союзе, но и за границей: в Болгарии, Чехословакии и других странах. Нам даже приходилось ездить в эти страны и рассказывать, что такое эта педагогика. Это был исторический манифест «Педагогика сотрудничества», в нем два сокровенных постулата, которых люди не поняли, хотя и пошли за новым понятием.

Какие постулаты? Первый. «Обычно учителя гордятся своими сильными учениками», — сказано в манифесте. Мы же гордимся слабыми, которых сделали сильными.

Понимаете, в чем новаторство заключается? Не в том, что у меня сильные дети и я горжусь этим, пусть даже я для них отдельную программу составил. А в том, что я этого слабого, которого любой учитель мог бы выбросить за борт, освободить класс от такого, — вот его я сделал талантливым и сильным.

И второй постулат. Обычно учителя идут к детям со своим «предметом» в руках. Учитель говорит: «дети, слушайте внимательно, — и начинает объяснять, — берите ручки, записывайте...» Мы же, говорили новаторы, идем вместе с учениками к «предмету». Вообще, какие великие «разности»! Вот это была именно суть педагогики сотрудничества. До сих пор говорят о педагогике сотрудничества, но эта суть уплывает. Это другая педагогика — когда я с учениками вместе иду к «предмету». Я с ними вместе, как будто заблуждение, как будто не могу сам решать, как будто я тоже как ученик, равный ему. В таком совместном поиске, конечно, я управляю, я веду, но в таком совместном поиске дети убыстряют ход и зарождается двойной, тройной интерес. А домашние задания, которые сейчас бич для каждой семьи, эта проблема снимается. Вот такое было движение в те 80-е годы.

Если это был ваш протест против тоталитарной школы, и протест идеологический, то каким образом педагогов-новаторов пустили на телевидение в Останкино, которое тоже контролировал ЦК КПСС? Первым же было Останкино, а не «Учительская газета». Почему? Значит, были какие-то силы, которых не устраивала тогда система образования?

Я вам сейчас открою одну тайну, о которой я не писал, не говорил, впервые это будет мною сказано. ЦК неоднозначное явление, там тоже были люди, которые имели свои ориентации в отношении образования, в отношении внешней политики, в отношении чего-либо другого. Одно дело — о чем думает генсек, но другое дело — о чем думают заведующие отделами. Мы никогда не знали, пока Союз не разрушился, что, оказывается, у нас там был покровитель, притом очень влиятельный. Он был секретарем партийного комитета внутри ЦК. Это Виктор Васильевич Рябов, ныне академик Российской академии

образования и президент Московского городского педагогического университета.

Всегда была сила, которая искала другой путь, кроме той власти, которая была. Другое устройство жизни. И в этой борьбе иногда просвечивались наши педагогические идеи в центральной прессе. Даже в газете «Правда», а в то время, если «Правда» писала о чем-либо, значит, это ЦК подтверждало своей печатью. Но самое главное, многие, тысячи учителей рвались к творчеству. Новаторов было не семь человек, их были тысячи и тысячи в Советском Союзе. Там были разные исследования, разные новые опыты, которые возникали в разных городах — все это вместе создавало какие-то внутренние толчки в образовании.

Как Вы создали свою методику образования? Что Вас подвигло? Какова предыстория?

Знаете, я этой предысторией очень горжусь. Тогда я не понимал, что происходило вокруг меня, почему так много препятствий, много борьбы, но сейчас я понимаю: не было бы всего того, и педагогика, носителем которой я стал, не состоялась бы.

Что было тогда? Была классическая педагогика, называется она «гуманная педагогика», но — классическая. Она имеет свои корни в трудах Квинтилиана — I век, Коменского — XVII век, Песталоцци — XVII—XVIII вв.ека и т. д. До Сухомлинского. Это они хранители этой педагогики. Эта педагогика как облака. Учителя смотрят на эти облака: как хорошо, говорят, как красиво, дергают отдельные цитаты и помещают в своих статьях, как и ученые, которые хотят подтвердить свои скудные мысли высокими авторитетами. Но саму педагогику включать в образовательный процесс они не хотели. Чтобы сам Сухомлинский жил в школах в России, этого никто не делает до сих пор, но цитатами пользуются, чтобы авторитаризм оправдать.

На создание методики меня подвигли мои дорогие российские коллеги. Я приехал в Москву — это был 1962 год — и здесь узнал об исследованиях Леонида Занкова. Это величайший герой в образовании. Он показал мне свои уроки, которые меня ошарашили, зрителем таких уроков я еще не был. Потом я побывал на уроках Василия Давыдова в 91-й школе в Москве. Сам Давыдов показал мне свои уроки, где маленькие дети осваивали алгебраические преобразования. А это первый класс! Они не знали еще счета, сколько будет отнять пять от десяти, но, $a + x = c$, они могли решать! Я опять был удивлен: как это достигается? И, вернувшись обратно в Тбилиси, мы со своими коллегами создали лабораторию экспериментальной дидактики и занялись такими же исследованиями. Это называется развивающее обучение. И открыли, что, оказывается, действительно, в начальных классах очень легко освоить всю программу в течение трех лет, а не четырех. Один год запросто высвобождается. Мы это вводили в 64-м, 65-м, 66-м, 67-м годах и тогда подумали, а что делать нам с этим одним годом. Мы топчемся на месте, дети переходят в четвертый класс, а им надо — пятый. И первые решили вводить во всех школах Грузии пятидневную учебную неделю (в тех школах, а их были сотни, где наша система действовала). А еще мы привели шестилетних детей в школу. Это тоже от Грузии пошло. Еще увидели, что дети нуждаются в многостороннем развитии: надо развивать не только ум детей, но и эмоциональный мир, духовный мир, нравственность. Поэтому создали полный курс школьного образования, который называется — полный день. Впервые в нашей практике появился полный день. Не продленка — это совершенно другое, — а полный день. На продленке дети занимаются тем, чтобы усвоить уроки, домашнее задание делать, прогуляться, играть, то-другое посмотреть. То есть продленка не имеет системного содержательного подхода к детям. А полный день — это продолжение школьного образовательного содержания. Там и танцы, и развивающие занятия, и лепка, игра в шахматы. Там просто занятия разного вида, которые детей очень манят и радуют их больше, чем первая половина дня. Это целостное школьное образовательное нечто.

Потом этот полный день распространился по всему Советскому Союзу.

Вашу лабораторию в Тбилиси закрыли, учителей разогнали... Почему? Что произошло тогда?

Это было в 1972 году, когда министерство образования выделило большую комиссию, чтобы проверить: что же это такое? В течение месяца они приходили, исследовали, проводили эксперименты, собирали материал... искали те провалы, которые у нас могли быть в познании детей: а вдруг дети отстают от чего-либо? Этого не находили. Тогда искали другое, третье... В общем, месяц с лишним это продолжалось.

У нас был массовый эксперимент. Экспериментальная школа как база. Как основа.

А это были сотни школ. 17 регионов Грузии — это одна треть, если не больше. Все учителя, дети были охвачены в районах этим. Потому что учителя видели, как это хорошо. Но вот комиссия тем не менее умудрилась написать отрицательное заключение, ссылаясь на то, что наша методика идет против единой системы советской школы. Подрывается основа советского образования. К чему придаться, конечно, можно было.

И вот на коллегии министерства нас с треском разгромили, а на другой день меня и моих коллег в школу уже не пустили. И так длилось месяц — не допускали в школу. Но нас поддержали российские коллеги, тот же самый Давыдов поддержал, Давид Фельдштейн, они потом были вице-президентами Российской академии образования. И многие другие поддержали нас. Газетами, ссылками, они отправляли своих гонцов в ЦК. И когда в газетах появились сообщения, вот тогда и решили, что надо отстать от нас. Такая была борьба, очень тяжелая.

Вот так Россия поддерживала, а в Грузии нас просто травили. Хотя как будто внешне они отстали, но в газетах нас просто травили. Каждый день в какой-либо газете обязательно нападки на нас, клевета. Но, видимо, это надо было. Если кто сейчас молодой меня не поймет, то советую: если в вашей жизни случается что-либо неладное, как будто плохое, как будто тяжелое, как будто кто-то на вас доносит, клеветает и т. д., воспринимайте это спокойно. Это все ваши учителя. И если вы подниметесь до того уровня, до которого я уже поднялся, вы стопроцентно будете выигрывать, как и я выиграл от этой борьбы. Большого достигните.

Как Вы вообще пришли в педагогику?

Школу я окончил в 1950 году. В начальных классах и дальше, до седьмого класса, я был отстающим учеником... Двоечником. Хорошим, очень таким приличным двоечником я был по математике, физике, химии, русскому языку. Они не любили, эти учителя, меня. Считали слабым. Особенно недолюбливала меня учительница русского языка. К сожалению, она была у меня с пятого до последнего класса как руководительница класса. Она не любила меня, потому что я не знал русский язык. В семье не было традиции, и в Грузии тоже не было таких традиций... и я очень был слаб. Я не мог говорить. Вот этот двоечник перешел в седьмой класс. И тогда ко мне пришел Мой учитель.

Каждому, я убедился, предназначен в жизни один Учитель. Он обязательно придет. Лишь бы не упустить этого одного Учителя.

У меня им стала Варвара Вардиашвили. Она ко мне подошла, помню, и шепнула мне в ухо: «Мальчик, как быть? Мои пятерки краснеют рядом с твоими двойками...» Она поставила

первые пятерки двоечнику. И шепнула вот это. Ради любви к этой учительнице, ради спасения этих пятерок я напрягся. Я один. Мама не в помощь мне, потому что она не могла мне помогать в этом деле, она была больная сердцем женщина, она добрая, любящая, но — все. Отец погиб на войне. Кто же меня спасет? Я один. Я собрался и ради того, чтобы эти пятерки спасти и эта учительница не потеряла любовь ко мне, начал учиться. Зубрить, зубрить, а потом понимать, а в девятом классе уже становился не двоечником, а вырвался даже в отличники и золотую медаль получил, оканчивая школу. Но я же русского не знал, а надо было письменный экзамен сдавать на выпускном экзамене. Правда, по русскому языку он был письменный. Это было странно. Языку не учили, а письменный экзамен должны были сдавать.

Я, конечно, никоим образом не сдал бы этот экзамен. Это было невозможно. Поэтому ни о какой медали я и не мечтал. И такой грустный я ходил по проспекту Руставели и встретил своего друга, с которым я учился вместе, а потом перешел в другую школу. Он спросил, что со мной. Я говорю: вот так, Важа, ты же знаешь, что завтра экзамен, а я русского не знаю. А учительница по русскому языку говорит, что «ты аттестат не получишь», она такая злая, ты же помнишь ее... Что мне делать? А я тебе помогу, сказал он. Повел к себе домой и дал мне шпаргалку. Я говорю: а откуда ты знаешь, что эта тема будет? Обязательно будет, говорит, мой дядя работает в министерстве образования.

Я взял эту шпаргалку о молодогвардейцах и зазубрил за ночь, зная, что меня не допустят со шпаргалки списывать. Значит, надо шпаргалку заложить в голову. Не для того, чтобы пятерку получить, а чтобы двойку не получить. Всю ночь, восемь или десять раз я переписывал эту шпаргалку и в конце концов иду в школу и думаю: будет эта тема — отлично, не будет — все равно я эту напишу. Потому что другого я не смогу написать. Оказалась эта тема. Я написал и получил пятерку. Озлобилась моя учительница, но комиссия сказала: ошибок нет, текст хороший, так почему не поставить пятерку? И поставили. А потом мне дали 18,5 грамма золота — такие были тогда медали.

Я не любил учителей. Кроме одной. И хотел стать журналистом или дипломатом. Поэтому поступил на востоковедческий факультет. За год выучил персидский язык, но начал работать в школе, так как где-нибудь я должен был работать, чтобы помочь семье. 24 рубля — моя зарплата плюс мамина пенсия, и мы могли прожить. Еще стипендия. В школе я начинал работать пионервожатым. Вот тогда я обнаружил — это был 1951 год, — что у меня другой жизни, оказывается, нет. Кроме того, чтобы быть с ними, с этими детьми. Потом я стал учителем истории, учителем труда, учителем литературы...

Каким образом Вы стали учителем, ведь педагогического образования у Вас не было?

Кто-то в декретный отпуск уходил, надо было заменить, сперва это была учитель литературы, вот меня и направляли в школу — ты умный, давай на уроки. Учитель истории заболел — тоже меня на замену. Много уроков я проводил, когда учителя отсутствовали, в течение месяца или года совмещал. Даже учителем физкультуры я работал. И так я набрал очень многогранный опыт, это потом уже была и педагогическая аспирантура.

Знаете, ведь каждый несет в себе свою судьбу, свою миссию от рождения. Через эту миссию выстраивается смысл нашей жизни. Если кто-то догадается, что у него за миссия, он может сказать: я счастливый человек. Если кто еще не нашел свою миссию и не ищет, всегда будет жаловаться на жизнь, на обстоятельства, на судьбу, но только не на то, что он не ищет свою миссию на самом деле. Тебе судьба сама подбрасывает: то этот тупик, то другой... И показывает: это не твое дело, а вот это — твоя миссия, ну, бери, бери! Если ты слепым оказался, в другой раз подбросит то же. Снова не поймешь — в третий раз так же сделает. А в четвертый — нет. На четвертый ты уже начнешь путаться. Вот почему

тысячи и миллионы людей живут вне своей судьбы.

Вы в свое время отказались от отметок в школе, это стало вашей методикой. А ведь и сейчас отказаться от оценок — это революционный шаг. Ну, а 50 лет назад это вообще — покушение на самое святое...

Однажды один российский министр образования, сейчас не буду называть его имени, пригласил меня к себе и сказал: напиши статью, пожалуйста, о ЕГЭ. Тогда ЕГЭ начинало вводиться. Я ему откровенно сказал, что не могу писать статью в поддержку ЕГЭ, потому что я не могу этого поддерживать. Это осколки в здоровом теле образования. Он был человек понятливый и сказал: хорошо, тогда напиши мне свои соображения об отметках. Я говорю: хорошо. И написал. Министерство тогда выпустило инструктивное письмо с разрешением учителям начальных классов не ставить отметки в начальных классах. А к приказу было приложено мое методическое письмо. Но его не поняли правильно. Ибо отметки понимали как просто вещь, которую можно изъять и выбросить. А что вместо этого там будет? Что вместо этого? Должно было возникнуть нечто подобное. А стали звездочки возникать. Солнышки начали возникать. Облака начали возникать. Или слова: «хорошо», «молодец», «отлично»... И ребенок бежит домой: два «молодца» получил сегодня. То есть вместо цифр дети получили суррогаты, худшие, чем были цифры.

Отметка связана со всем образовательным процессом. Это не хирургия, чтобы вырезать опухоль и организм стал здоровым. Не станет здоровым. Не отметки надо изъять из образовательного мира, но другой образовательный процесс надо ввести в школу. Есть там отметки — пусть и дальше живут до конца с этими отметками. Хирургические процессы там не пригодятся. Опасно. Искажится и этот процесс тоже. Это сознание учителя — отметка. А если нет отметок, то что вместо этого? Вместо этого — содержательные оценки. Отметки и оценки — разные вещи. Отметка — это вещь. Оценка — это взгляд, это процесс, это мысли, это улыбка, это рукопожатие, это удивление, восхищение прогрессом ребенка. Это рукопожатие: молодец, слушай, я тебя не узнаю! — вот что такое оценка. Это то, что я понял, что хорошо, что плохо, и что я сам могу поправить свои ошибки. Это личностные качества. Оценки нужны. Но не в цифрах. А в суждениях. Если это так, мне надо общаться с детьми на равных, на основе свободного выбора, на основе педагогики сотрудничества — тогда мы вместе идем к знаниям. На основе доверия к любому ребенку, даже трудному. Вот это сознание очень сложно меняется у учителя.

Вы в России живете постоянно уже почти 30 лет. И реформы образования, которые начали происходить с 1989–1991 годов — вариативность образования, ЕГЭ, новая система оплаты труда, — вы всему этому были свидетелем. Как вы оцениваете тот путь, который прошла российская школа с конца 1980-х годов до сегодняшнего момента? Мы как-то приблизились к современному пониманию ребенка? Мы отошли от тоталитарной системы Советского Союза? Или все эти изменения не сильно сказались на процессе обучения?

В чем-то, конечно, есть большой прогресс, и в чем-то пока есть большая задержка. Школа — это лестница для духовного восхождения человека, а не здание, не учебно-воспитательное заведение. Если школа — это лестница, то где эта лестница находится? В учителе. Через учителя мы идем во внешний мир. Любишь учителя — врата открыты для тебя. Врата познания. И учителя любишь, и предмет любишь, и все остальное любишь, с чем он к тебе приходит. Его личность любишь, перенимаешь себе.

Но кого недолюбливали или не любили вовсе, нам и знаний воспринимать от них не хотелось, и дурно учились у них, с трудом учились... Вот это понятие школы.

Если учитель есть школа, то без обновления сознания учителя школа не потерпит никаких внешних реформ.

Мы можем ввести новые учебники, новые стандарты, новую структуру школы, устанавливать стандарты даже для учителя, но учитель должен оправдывать такие стандарты... Вообще, понятие «стандарты» очень опасное понятие для образовательного мира. Стандартный учебник, стандартная программа, стандарты образования... Ведь есть и стандарт учителя. А чего вы ждете на выходе? Каких людей? Стандартного ребенка? Что и получаем.

Мы оставили учителя советского склада. Даже молодые учителя, которые сейчас готовятся в вузах, дальше от советских программ по педагогике не уходят.

Понятие духовности для них не звучит, хотя стандарты как-то отразили это понятие. Учитель, который это понимает, он другой учитель.

Что такое воспитание тогда? Это отдельный процесс?

Воспитание — это отдельный, особый, очень опасный процесс. Само слово говорит нам — питание духовного стержня молодого человека. Питание оси. Воспитание означает дать ребенку лучшие образы для питания его души. Он же по лестнице карабкается, по духовной лестнице. Дайте духовные образы. К чему вы стремитесь сами, какие ваши образы мысли? Вы курите? Бросьте курить, пожалуйста. У вас есть чувство собственности? Он тоже собственником вырастет.

Воспитание — это отношение к миру, отношение к самому себе, отношение к ценностям общего блага.

А общее благо в школах не присутствует, в школе есть и дурные образы. Обучающий результат контролируется, воспитательный — нет. Там ЕГЭ, а здесь какой может быть ЕГЭ, чтобы определить человечность, доброту, гражданственность человека?

Нам нужен не воспитательный процесс, не обучающий, а образовательный, который включает в себя все процессы, на том же уроке, и в коридорах, и вне школы, и в семье. Нам нужно еще в этот процесс вводить и понятие духовности, и психологию согласия.

В этом случае мы получим то, что я переживал на уроках своего любимого учителя Варвары Вардиашвили.

Дарья Сапрыкина, Елизавета Тихомирова, Проектно-учебная лаборатория образовательной журналистки НИУ ВШЭ, г. Москва

